

Трей-лист

1. Sober — G-Eazy
2. Hands To Myself — Selena Gomez
3. Satisfy — NERO
4. Love Lies — Khalid
5. Watermelon Sugar — Harry Styles
6. Him & I (with Halsey) — G-Eazy
7. Nobody's Love — Maroon 5
8. Bad Reputation — Joan Jett
9. Treat Her Right — Roy Head
10. Nice For What — Drake
11. Whatever You Like — T.I.

Камыша

Я торчу под этим «Сильверrado» уже три часа подряд, занимаясь своей самой любимой деятельностью — вынимаю коробку передач. Это непростая, грязная и совершенно паршивая работа. И это еще в нормальных условиях. Я же делаю это в самый жаркий день лета.

В нашей мастерской нет кондиционера, так что с меня ручьем льется пот, отчего руки становятся скользкими. К тому же по радио уже третий раз играет песня BTS ON, и я ни черта не могу с этим сделать.

Наконец я избавляюсь от болтов и поперечины и готова вытащить коробку. Делать это нужно аккуратно, чтобы не повредить сцепление или гидротрансформатор.

Коробка передач весит 146 фунтов¹, и это после того, как я слила все жидкости. Домкрат помогает мне удерживать ее, но я бы не отказалась от помощи своего отца. Он отрубился сразу после ужина. В последнее время папа сильно устает, и ему едва удавалось разлепить глаза, чтобы доесть свою тарелку спагетти.

Я сказала, чтобы он шел спать, и обещала обо всем позаботиться.

Я опускаю коробку передач на домкрат и выкатываю ее из-под пикапа. Затем я собираю все гайки и болты и складываю их в пакетики с этикетками, чтобы не потерять ничего важного.

Это первое, чему научил меня отец в ремонтном деле, — быть организованной и щепетильной.

«Это сложные механизмы. Ты сама должна быть как слаженный механизм. В нашем деле нет места ошибкам».

Вытащив коробку передач, я решаю отпраздновать успех газировкой. Кондиционера у нас, может, и нет, но, по крайней мере, в холодильнике всегда прохладно.

У моего отца автомастерская на Уэллс-стрит. Мы живем прямо над ней в маленькой двухкомнатной квартирке. Мы — это я, отец и младший брат Вик.

¹ Примерно 66 кг.

Я поднимаюсь туда, вытирая руки о тряпку. Верхнюю часть спецовки я сняла, а футболка вся пропиталась потом. Еще она перепачкана всеми вытекающими из автомобиля жидкостями. Ну и к тому же просто грязная. В мастерской довольно пыльно.

Мои руки настолько чумазые, что лишь два часа под душем и стальная губка смогут привести их в божеский вид. Масло въелось в каждую трещинку и линию на моей коже, а под ногтями вечная чернота. Обтерев руки, я убрала лишь малую часть грязи и все равно оставляю отпечатки пальцев на холодильнике.

Я хватаю колу и открываю банку, на секунду прижав ее к щеке, прежде чем сделать несколько больших глотков.

Из комнаты выходит разодетый Вик. Все его наряды гораздо уместнее смотрелись бы в музыкальных клипах — узкие джинсы, яркие рубашки, кроссовки, которые брат судорожно начищает зубной щеткой всякий раз, как заметит на них каплю грязи. На это уходят все его деньги, если они у него бывают.

Я подавляю желание взъерошить его длинные лохматые волосы цвета карамели. Вику всего семнадцать — он на восемь лет младше меня. Часто я чувствую себя скорее его матерью, чем старшей сестрой. Наша настоящая мать оставила мальчика у нашего порога, когда ему было два с половиной года. Это был тощий малыш

с глазищами вполлица и совершенно потрясающими ресницами (почему парням всегда достаются самые лучшие ресницы?). Никаких вещей и игрушек, кроме фигурки Человека-паука без одной ноги. Брат таскал ее за собой всюду, даже в ванную, и крепко сжимал по ночам. Я не знаю, где они жили раньше и кто его отец. Мой папа принял Вика, и с тех пор мы живем втроем.

— Куда ты собираешься? — спрашиваю я.

— Погулять с друзьями, — отвечает брат.

— Какими друзьями?

— Тито. Эндрю.

— Что будете делать?

— Не знаю. — Вик хватает себе колу и открывает банку. — Может быть, посмотрим кино.

— Поздновато для кино.

Сейчас 21:40. Не так уж много фильмов начинается после 22:00.

Вик лишь пожимает плечами.

— Не задерживайся допоздна, — говорю я.

Брат закатывает глаза и направляется прочь из кухни.

Я замечаю на нем новую пару кроссовок. По мне, так они совершенно нелепы — белые и массивные, с какими-то странными изогнутыми серыми полосками по бокам. Это баскетбольные кроссовки, но я сомневаюсь, что Вик собирается играть в них в баскетбол, — если только матч не проходит на Луне в 3000 году.

Они выглядят дорого.

— Где ты их взял? — Я жду ответ.

Вик избегает моего взгляда.

— Выменял у Эндрю на мои джорданы¹.

Я знаю, когда мой брат врет. Ему никогда это не удавалось.

— Ты же не украл их из магазина?

— Нет! — с жаром отвечает он.

— Хорошо бы это было так, Вик. Тебе почти восемнадцать, если из-за этого дерьма ты испортишь себе личное дело...

— Я не крал их! — кричит брат. — Мне пора идти, а то опоздаю.

Он перекидывает рюкзак через плечо и выходит, оставляя меня на кухне в одиночестве.

Я хмуро допиваю газировку. Я люблю брата всем сердцем, но беспокоюсь за него. Вик тусит с ребятами, у которых гораздо больше денег, чем у него. Ребятами, которые живут в фешенебельных особняках и чьи родители одним нажатием кнопки могут набрать номер адвоката, чтобы тот вытацил под залог их идиотов-отпрысков, если те сделают какую-нибудь глупость.

Мы не можем позволить себе такой роскоши. Я снова и снова говорю брату, что пора братья за ум и усердно заниматься в течение выпускного года, чтобы поступить в хороший колледж.

¹ Air Jordan — именная линейка кроссовок, разработанных Nike специально для баскетболиста Майкла Джордана.

Его не слишком интересует работа в автомастерской.

К сожалению, школа его тоже не очень интересует. Вик собирается стать диджеем. Я еще не разрушила этот его воздушный замок.

Я выкидываю банку в ведро для металлических отходов, готовая вернуться в мастерскую.

Следующий час я продолжаю возиться с коробкой передач. Хозяин «Сильверадо» не хочет менять ее — он хочет, чтобы мы отремонтировали ту, что есть. И так как мы не знаем точно, что не так с этой проклятой коробкой, мне приходится разобрать ее целиком, почистить каждую деталь и проверить, что износилось или сломалось.

За работой я продолжаю думать о брате. Я не верю в его историю про кроссовки, и мне не нравится, что Вик тусует с Эндрю. Это худший из его друзей — заносчивый, избалованный и злобный. У брата доброе сердце. Но он хочет быть популярным, из-за чего постоянно ввязывается во всякие глупости, чтобы впечатлить друзей.

Я вновь вытираю руки и хватаюсь за телефон. Хочу проверить в приложении, действительно ли Вик отправился в кино.

Я приближаю маленькую голубую точку, и, разумеется, он вовсе не в кинотеатре. Брат где-то на Гудзон-авеню, похоже, в каком-то до-

ме. Это не дом Эндрю или еще кого-то, кого я знаю.

Рассердившись, я захожу в соцсети и проверяю сториз Вика. Он пока ничего не постил, так что я проверяю аккаунт Эндрю.

Вот и они — все три парня на какой-то домашней вечеринке. Вик пьет из красного пластикового стаканчика, а Тито, кажется, уже совершенно пьян. Надпись гласит: «Сегодня установим рекорд».

«Черта с два», — цежу я сквозь зубы.

Засунув телефон в карман спецовки, я хватаю ключи от своего «Понтиака-Транс-Ам». Если Вик планирует нажраться в компании этих придурков, то этому не бывать. Он не должен пить, зато должен отработать завтра утреннюю смену в супермаркете. Если брат снова проспит, его уволят.

Я быстро направляюсь туда, где маячит голубая точка, — во всяком случае, так быстро, как могу, чтобы не перегреть древний двигатель своего авто. Эта машина намного старше меня, и в последнее время я поддерживаю в ней жизнь в основном одной лишь силой воли.

До дома ехать всего семь минут. Я бы нашла его и без приложения — музыка гремит за три квартала. Десятки машин припаркованы по обеим сторонам дороги. Тусовщики буквально вываливаются из дверей, влазят и вылазят через окна и вырубаются прямо на газоне.

Я паркуюсь как можно ближе и устремляюсь в дом.

Я проталкиваюсь внутрь сквозь толпу народа в поисках своего младшего брата.

Большинству гостей, кажется, уже за двадцать, и это самая настоящая студенческая вечеринка — с пив-понгом, полуголыми девушками, играющими в покер на раздевание, энтузиастами, пьющими пиво вверх ногами, и парочками, занимающимися петтингом на диванах. В воздухе висит такой дым, что я едва могу видеть что-либо на расстоянии вытянутой руки.

Пытаясь высмотреть брата, я не особо слежу, куда иду, и натываюсь на группу девушек, отчего одна из них вскрикивает от гнева, когда ей на платье проливается напиток.

«Глаза разуй!» — оборачиваясь рычит она.

О черт.

Я умудрилась нарваться на ту, которая и так уже меня ненавидит, — Изабеллу Пейдж.

Когда-то мы вместе ходили в школу.

Будто мне мало одной Беллы, она стоит в компании своих подружек, Беатрикс и Вики. Они называли себя королевами школы¹. На полном серьезе.

«О мой бог, — растягивая слова, говорит Белла своим низким голосом с хрипотцой. —

¹ Изабелла — королева Испании, Беатрикс — королева Нидерландов, Виктория — королева Великобритании.

Похоже, я напилась сильнее, чем думала. Готова поклясться, что вижу перед собой Чумазую Мартышку».

Так они меня называли.

Я не слышала эту кличку уже по меньшей мере шесть лет.

Но, едва Белла произносит ее, я тут же переполняюсь отвращением к себе, прямо как раньше.

— Что на тебе *надето*? — с отвращением спрашивает Беатрикс. Она смотрит на мою спецовку с выражением такого ужаса, который обычно появляется у людей при виде автомобильной аварии или упоминании массового геноцида.

— Мне показалось, что запахло горящим мусором, — говорит Вики, морща свой идеальный маленький носик.

Боже, я надеялась, что эти трое после школы уехали куда подальше. Или умерли от дизентерии. Мне не принципиально.

Белла подстригла свои гладкие светлые волосы, и теперь у нее удлинненный боб. Беатрикс определенно увеличила грудь. А у Вики на пальце сверкает гигантский камень. Но все трое по-прежнему прекрасны, хорошо одеты и смотрят на меня так, словно я дерьмо, прилипшее к их подошве.

— Ого, — с притворной любезностью говорю я. — А я ведь действительно по этому скучала.